

Сиди себя тихохонько да слушай,
как пух пылинки городу сдаёт.
Когда был маленьким,
хотелось лампу-грушу.
Теперь не хочется,
теперь не до неё.

Закрывает эту часть стихотворение «Хвоя», от которого пошло название книги. К слову сказать, самого словосочетания «хвойная музыка» в сборнике нет. Есть только это стихотворение, построенное на обращении к «Матушке-хвое», которая молчит, какие бы вопросы автор ей ни задавал. Получается, что «хвойная музыка» — та самая абсолютная тишина, с которой я начинал разговор. Тишина, как ответ на все вопросы.

Интересно отметить, что образ хвойных веток обычно используется в двух случаях: когда речь идёт о праздновании Нового года или же когда описывается похоронное шествие. Здесь переплетаются две традиции, одна из которых связана с радостью, а другая — с горем. От подобного переплетения отталкивается четвёртая, заключительная часть:

«Несоответствие». Сразу не поймёшь, чего в этой части больше: глубокой человеческой трагедии или же лёгкой иронии / самоиронии?

Смысловой строчкой из стихотворения Ивана Сурикова «В степи» (строчка у Сурикова «Снег да снег кругом» в народной переработке «Степь да степь кругом») доводится автором до прямого высказывания: «Смерть да смерть кругом...» Слышны отголоски Надсона и Мандельштама. Упомянуты Блок, Пушкин, Булгаков. Мертвец, пробежавшийся пунктиром по первым трём частям, «улы-ба-ет-ся», то есть не просто двигается, но даже выражает эмоции со знаком «плюс». Игра с глаголами и прилагательными, сниженная лексика рядом с возвышенной, персонажи детских сказок и древнеегипетские фараоны — множество прямых линий соединяются в одной точке, пересекаются и, дополнив друг друга, снова расходятся в разные стороны, двигаются каждая по своей траектории.

Несоответствия зимы,
её пронзительная прелесть,
в пересечении прямых...

Зима, как полное обновление. Один мир умер, да здравствует мир другой! Прямые линии сходятся и расходятся, а в королевстве тишина, потому что принцесса пишет. Не будем ей мешать.

Леонид Бахнов

«Их протирают, как стекло»

Из тех мест на Земном шаре, о которых рассказывает в своей книге «Антропологические путешествия» Татьяна Щербина, в 77,8% я никогда не был и вряд ли когда-нибудь побываю (подсчитано приблизительно точно).

Завидую автору.

Но зависть быстро проходит, потому как прочитав буквально два-три эссе, из которых состоит книга, понимаешь: одно дело осваивать

описываемые автором места даже очень вдумчивым взором и совсем другое — знакомить с ними так, как это делает Щербина.

Суть даже не в том, что это, как говорится, проза поэта. Ну, кто иной может написать, например, так: «Во время дождя сидела и смотрела, как у океана пена изо рта идет и время от времени он плюется медузами. После дождя подошла к кромке, рассмотрела валяющихся на песке — будто из рисовой муки эти твари вылеплены, но ужасно несимпатичные, тесто комом».

Татьяна Щербина. Антропологические путешествия. — М.: АСТ, 2019 (серия «Table-Talk»).

А полустраницею раньше — про дождь, стекающий с крыш в домиках вьетнамского селения: «Не поток, а ровенькие такие стеклянные нити. И я подумала, что дождь, стекающий с таких крыш, и стал прообразом стеклянной лапши».

Чем вам не удаленная рифма?

Но, повторяю, суть не только в том, что эссе написаны поэтом. Взгляд автора не просто вдумчивый и чуткий, что бывает не чуждо и некоторым туристам. Я бы про такой взгляд сказал — *оснащенный*. Оснащенный тем, чего не почерпнешь только лишь из книжек, из энци- и википедий. Оно, конечно, не лишнее, всякие пикантные знания типа «что? где? когда?», такого в книге тоже полным-полно. Но разве что-то может заменить общение с кучей людей, изъезженности-исхоженности пространства, неожиданных приключений, которые сваливаются на голову всякому путешественнику?

Вопрос не такой уж риторический — некоторые эссе на тему путешествий буквально намозолены трением об интернет.

Ну ладно, думаю я, пусть Франция, знакомая автору до глубины души, даром что признания в любви к этой стране разбросаны тут и сям. Или соседняя с ней Швейцария. Германия. Италия. Пусть даже вся Европа — не чужой все-таки континент. Но — Индия? Или тот же Вьетнам? Китай? О которых Татьяна Щербина повествует, может, не столь подробно, но с такой же пристальностью.

Отчего возникает этот эффект познания далекой, казалось бы, действительности? Может быть, секрет в интонации? Такого, знаете ли, полного погружения в стихию, которая окружает тебя на данный момент?

Да, автор умеет создавать и сберегать нужную интонацию. Здесь она, что называется, профи, умеет держать читателя в форме. До такой степени, что нелегко различить, где ей по-настоящему интересно писать, а где — не слишком.

Но секрет, я думаю, все-таки не в жестком профессионализме. Посмотрите, как она пишет о французских (и не только) виноделах. Описания вин и виноградников звучат, уж извините за прозу, как музыка, в оттенках вина она разбирается дай Бог специалисту-дегустатору. Не стану здесь приводить многочисленные цитаты, авось, вы сами сумеете ими насладиться, приведу лишь одно суждение: «Правила виноделов во Франции

столь строги, что занятие это может быть только служением, а не профессией. С первого века живут здесь виноградники, винодельческие династии — особая аристократия Бордо, никогда не догадаешься по внешнему виду, что перед тобой барон, чья генеалогия насчитывает десять веков. Здесь аристократ — это крестьянин-винодел, который хоть и владеет одним или несколькими винными шато (замки как таковые прилагаются, но не всегда это собственно замки, значение имеют гектары земли, а не здания <...>), но ничем не напоминает утонченного рыцаря. Я неоднократно ужинала с этими миллионерами и миллиардерами — если бы они продали свои шато, то стали бы таковыми, но они их продадут, только если будут подыхать с голоду!»

Вот! Именно такими людьми увлечена Татьяна Щербина. Будь то виноделы, архитекторы, инженеры, хозяйка гостиниц, изобретатели никому не нужных приспособлений и — смотрите, какая пруха! — сумевшие на этом внезапно разбогатеть. Или, наоборот, разориться. Люди, умеющие работать, умеющие рисковать, люди, до корней волос преданные своему делу. Да, те самые, что готовы сдохнуть с голоду, но не похерить то, чему отдали свою жизнь. Кто-то назовет их прибабахнутыми, а кто-то — солью земли.

И вот ведь что интересно. При огромном изобилии мест, которые объездила автор «Антропологических путешествий», получается, что везде, в любой культуре такого склада люди ценятся превыше всего. Будь то старушка-Европа или куда более древние Индия, а также Китай с Вьетнамом. Не говоря про страны античности.

Как раз отсюда, мне кажется, и проистекает глобализм Щербины. Глобализм отчетливый, но не без иронии (и самоиронии) и без фанатизма. Глобальный интернет, глобальные консорциумы, глобальная зависимость каждого от всех — куда тут денешься, мир-то един. Тем более это заметно в отсутствии железного занавеса.

Собственно, об этом и говорит она в авторском предисловии. Но название предисловию дает вполне себе диалектическое: «Локал и глобал». Что такое «глобал», объяснять не надо. А о «локале» Щербина пишет так: «Но тут парадокс: всемирная "ВДНХ", к которой все, как мог, прихорошились, одни страны потянула в прошлое, считавшееся благополучно похороненным, другие в хаос.

Что дальше: будет лобовое столкновение цивилизаций или планета станет гомогенной, уподобившись всемирной паутине, но сохраняя "фольклорные" уголки и традиции?»

Ей, разумеется, не хочется лобового столкновения. Поэтому она и рассматривает так любовно и с таким вниманием людей, привычки, особенности психологии, сравнивает ценности обитателей разных мест — все то, что отличает одно сообщество от другого. Волей-неволей, а точнее, благодаря особенностям собственного характера, она скрупулезно вникает в открывающиеся ей национальные миры. Отсюда и возникает ощущение *вовлеченности* автора, постоянной личной *причастности* к тому, о чем она пишет.

Такое не подделаешь никаким мастерством.

Конечно, многие имена, исторические факты, да и просто истории, имена городов... — многое выветривается из памяти еще до того, как дойдешь до финальной страницы. Думаю, автор это прекрасно понимает.

«Антропологические путешествия» вовсе и не рассчитаны на то, чтобы быть сводом разного рода сведений о тех или иных городах, весях и об особенностях ментальности людей, их населяющих (хотя о том, чем отличается тот же бургундец от парижанина или житель

одного кантона Швейцарии от другого, говорится весьма впечатляюще).

Тогда о чем же книга? Вернее сказать — *для чего?*

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло, —

хрестоматийные строки Давида Самойлова.

Дело, понятно, не в обычности или замысловатости слов. Зрение ведь тоже надо время от времени протирать. Особенно если вам предстоит куда-нибудь съездить.

Вот для того и существует книга Татьяны Щербины. Чтобы иметь возможность протереть свое зрение. Причем, совершенно независимо от места, куда вы собираетесь — вовсе необязательно, чтобы это была страна, о которой сказано в книге.

А дальше — дальше, в поездке, пожалуй, неплохо иметь ее под рукой. Чтобы просто вспомнить, как это делать: протирать свое зрение. И вернуть себе способность смотреть на все свежими и незашоренными глазами.

Даниил Чкония

Счастьем оказалась сама жизнь

Начну с ключевой цитаты. Речь идет о временах, когда в изгнании в Париже пребывала чета Синявских, близких друзей Людмилы Сергеевой. Обстоятельства сложились так, что с автором книги воспоминаний «Жизнь оказалась длинной» и

Людмила Сергеева. Жизнь оказалась длинной. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. (Мемуары — XX век).

ее друзьями Синявскими случайно познакомилась француженка Кристин, занимавшаяся наукой и посещавшая тогдашний СССР с научными целями. Она прониклась сочувствием к этим людям, к их проблемам в отношениях с советской властью и помогала им в меру возможного. Именно по ее приглашению, несмотря на все препоны властей, Сергеевой удалось в советские времена вырваться в Париж. Ехала она, разумеется,